

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

В.В. Бабошин

Рассмотрено, что на сегодняшний день важнейшей задачей, стоящей перед государством и обществом, является задача по систематизации усвояемости иных этнокультурных доминант, их адаптации в социальной среде. Главенствующая роль здесь должна быть отведена образованию.

It is considered that the most important fast facing state and society today is the task on comprehensibility's systematization of ethno cultural dominants, and their adaptation to the social environment. The main role here must be led to education.

Диалектика цивилизационного развития обусловила предельную эмансипацию личности от своей этнической принадлежности. Гражданское общество предоставляет равноценные возможности как артикуляции, так и элиминирования этноатрибутивности. Тем не менее проблема этнической идентичности продолжает сохраняться и на теоретическом уровне, и в практической плоскости. Её решение, как представляется, следует начать с определения статуса этничности в современном мире.

Этническая принадлежность не должна влиять на полноценное участие в деятельности общественных институтов или членство в политических объединениях. Причём факт рождения в определённой этнической среде не может накладывать никаких отдельных обязательств. Здесь очевиден контраст с традиционным обществом, где этничность становилась условием получения особых обязательств. Субъект того или иного этноса, пребывающий в харизматическом обществе, не имеет возможности относиться к своим действиям предельно приватно, его поведение подвержено публичной оценке, а сам он рискует теми или иными поступками, противоречащими этнической поведенческой модели, вызвать негативную реакцию своего окружения. Этническая

принадлежность превращает индивида в заложника определённого ритуализма и устоявшихся стереотипов.

Картезианская ментальность постиндустриального этапа в динамике общества предполагает ясность и строгость мышления, лишённого, прежде всего, этногенной предубеждённости. Мобильность как атрибутивная черта современного социума обуславливает тщательную аналитику конкретных связей и отношений, исключение диффузии этнического идеализма и требуемой прагматики.

Вместе с тем было бы ошибочным упрощать проблему этничности, редуцировать её к констатации атавистичности этнического фактора. Картезиански воспринимаемое социальное пространство оказывается фрагментаризированным, распавшимся на множество отдельных элементов, лишённых общего контекстуального смысла. Прагматизация целеполагания отрицает комфортность этнокультурной тотальности с крепкой спаянностью её сегментов. Сверхэтническая унификация общества делает его однородным, стандартизированным и атомарным.

Неадекватность этноцентризма, как, впрочем, и космополитизма переносят проблему в когнитивную сферу поиска «нового национализма». И здесь небезынтересен опыт американских интеллектуалов. Последнее, во всяком случае многие из них, отстаивали право Америки на собственный путь развития. Сосуществование многих культур породило здесь феномены «конгломератной культуры» и «транснациональной нации». Американцы не стали нацией европейского типа с доминирующей расой, осуществляющей культуртрегерство по отношению к национальным меньшинствам. Ассимиляция здесь осуществлялась предельно корректно и охватывала длительный временной континуум. Нивелировка этнических различий нарушает целостность культуры иммигрантских групп, порождая нечто «безвкусное, бесцветное, безжизненное» (Р. Борн). Появление «нации национальностей» возможно предотвратило существование нации

вообще лишённой национального характера. Позволим себе привести, может и резкое, но зато достигающее алармистской тональности, высказывание известного парадоксалиста Рэндолфа Борна. Характеризуя состояние так называемых «ассимилированных» американцев, Борн писал: «Они превратились в отбросы американской жизни, скатились на дно нашей цивилизации с её обманчивой дешёвизной и безвкусицей, фальшивой духовностью мировоззрения, с её скудоумием и бедностью чувств, которые мы видим в наших грязных городах, безвкусных фильмах, популярных романах и в пустых лицах уличных толп...культурные обломки нашего времени» [1].

Тезис Борна предполагает необходимость альтернативы, которая по отношению к историческим реалиям США и применительно к постиндустриальному обществу может быть сформулирована следующим образом: неограниченный плюрализм культур, сохранение самобытности каждой иммигрантской группы при её взаимодействии с другими группами.

Такого рода модель может быть перенесена и на взаимодействие этносов уже в планетарном масштабе. Взаимопроникновение культур обуславливает некую однородность, позволяющую осуществлять внеконтекстуальную коммуникацию, унифицировать способы выражения и способы восприятия. Равенство этнических культур гарантирует равенство социальных статусов с точки зрения привязки последних к тем или иным этническим группам.

Другая сторона рассматриваемой нами проблемы обнаруживает в себе знаково-лингвистический аспект. В глобализированном обществе постиндустриальной стадии теряют своё значение, а со временем и вовсе исчезают групповые, частные или локальные смысловые, или синтаксические условности, затрудняющие коммуникативные процессы. Неизбежна определённая стандартизация языка, уже в силу того, что в

постиндустриальном обществе семантические виды деятельности преобладают над физическим трудом. Коммуникация осуществляется во многом анонимно, без личного знакомства, предполагающего обоюдную информированность (символическую интеракцию), знание этнической специфики, понимание диалектов и т. д. Адресатом такой коммуникации является не представитель этноса, а субъект кодифицированной, стандартизированной культуры. Все личные, локальные, этнодиалектические значения в современной коммуникации заведомо исключаются. Генезис смысла осуществляется благодаря исключительно внеконтекстуальным, общеупотребимым, кодифицированным символам, что косвенно поощряется самой природой языка. Как утверждает Хомский, язык есть система, использующая конечные средства для достижения бесконечных целей.

Постиндустриальное общество и заложенные в нём возможности позволяют осуществить межэтнический обмен достижениями культуры, не оставляя их достоянием отдельных привилегированных групп. Этнокультурная коммуникация изменяет демаркацию территориальных и социальных границ, делая их одновременно границами поля действия индивидов как участников межкультурной унии.

Этническая детерминированность, характерная для прошлого, определила этнокультурные границы как экзистенциальные границы той социальной территории, где индивид только и мог самореализоваться и получить общественное признание. Только пребывание в этих границах делало социальное бытие интеллигентным, а их нарушение элиминировало релевантность личностных поведенческих моделей.

На сегодняшний день важнейшей задачей, стоящей перед государством и обществом, является задача по систематизации усвояемости иных этнокультурных доминант, их адаптации в социальной среде. Главенствующая роль здесь должна быть отведена образованию.

Мы согласны с Э. Геллнером, высказавшимся в поддержку государственного реформирования образовательной системы и её известной переориентации, «...ибо огромная и дорогостоящая образовательная машина, которая делает это возможным, нуждается в политическом покровительстве, спонсорстве и контроле за качеством... Это бракосочетание государства и культуры знаменует начало эпохи национализма» [2].

Литература

1. Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. – М., 1999. – С. 88.
2. Геллнер Э. Условия свободы. – М., 1995. – С. 116.